

Большой словарь современного немецкого произношения коллектива авторов из ГДР под руководством Е.-М. Крех представляет наиболее адекватную на сегодняшний день картину произносительной нормы. Объем словаря около 60 000 лексем. Это на 15 000 слов больше, чем в предыдущем издании 1964 г. [1]. За истекший период авторами переосмыслено понятие нормативного произношения (Standardaussprache). Старый термин (allgemeine deutsche Hochlautung), по признанию авторов, не соответствует более задачам произносительного словаря, который должен стать образцом для подражания, путевой нитью для каждого носителя языка.

Уже в предисловии авторы ориентируют читателя на преодоление «ножниц» между произносительной реальностью (Sprechrealität) и ее кодификацией. Так, например, рекомендации Зибса [2], относящиеся, в частности, к переднеязычной или увулярной реализации [r], а также обязательное произнесение [ə], («шва») в безударных флексиях квалифицируются авторами рецензируемого словаря как слишком приближенные к написанию.

Вводная часть словаря выполнена очень тщательно, содержит ряд принципиальных положений, касающихся реализации исконно немецкой и иноязычной лексики, освоённой немецким языком (eingedeutscht). В таблицу транскрипционных знаков включен ряд новых элементов.

Описанию артикуляций отдельных звуков, занимающему основное место в вводной части, предпосланы общие правила произношения современного немецкого вокализма и консонантизма. В целом данный раздел остался без изменений, однако некоторые моменты уточнены и дополнены. Так, например, изданное в 1968 г. исследование Е.-М. Крех о гортанной смычке в современном немецком языке [3] позволило авторам более детально подойти к рекомендациям по реализации данного явления. Аналогичная картина характерна для [e] в безударных позициях. Авторы выделяют семь случаев различной реализации безударного [e].

В разделе вокализма, кроме характеристик трех немецких дифтонгов, имеется описание заимствованного из английского и находящегося в процессе приспособления к строю немецкого языка дифтонга [eɪ]. Данная единица имеет принципиальное фонетическое сходство с исконно немецкими дифтонгами (способ соединения элементов, их взаимодействие по отношению к ударению, изоморфизм по признаку открытости — закрытости элементов) и является также монофонемным соединением, т. к. не может находиться на границе морфемного шва, например, *Daily Mail* ['deɪlɪ'meɪl]. Особое внимание читателей во вводной части обращается на произношение иноязычных слов. Авторы словаря сочли возможным дать рекомендации к произношению заимствованной лексики из 24 языков. Частотность употребления иноязычной лексики и степень ее

освоения языком-реципиентом обусловлены интенсивностью взаимодействия контактирующих языков. Здесь уместно констатировать возросший объем русской лексики, включенной в словарь. Она представлена в основном именами. Вводная часть словаря содержит подробные рекомендации к их произношению. Так, например, введен новый способ кодификации палатализованных русских согласных при помощи [j], находящегося справа сверху: *Lebedew* ['L'e:b'ed'ej]. Завершают вводную часть сведения об ударении и интонации и реализации нормативного произношения в различных сферах человеческой деятельности (сцена, аудиторное занятие, телевидение и т. д.).

Анализ рекомендаций к произношению исконно немецкой лексики подтверждает факт максимального приближения кодифицированного в словаре «отпечатка фокации» слова к его реальному звучанию. Это находит отражение прежде всего в полной редукции [ə] в суффиксе инфинитива *-en* с предшествующими гласному смычными, взрывными [t], [p], [k] и щелевыми [f], [v], [s], [z], [ʃ]. Редукция [ə] в таких позициях обуславливает в некоторых случаях фонемную мену [n—m] или [n—ŋ]. Например, *antworten* ['antvɔrtŋ], *leben* ['le:bŋ], *melken* ['mɛlkŋ]. В качестве второго варианта в отмеченных позициях возможно произношение редуцированного [ə] + согласный, имевшего в предыдущем издании 1964 г. как, впрочем, и в словаре Duden 1962 г. [4], вид единственно возможной реализации. К особенностям словаря, характеризующим изменения в орфофонетическом плане, следует отнести и рекомендации к произношению [ʁ] в абсолютном исходе слова. Вокализированный вариант [ɾ] рекомендуется в суффиксах *-ern*, *-ers*, *-ert*, безударных префиксах *-er*, *-her*, *-ter*. Речь идет о звуке [æ]. Данный звук, наряду со «шва», позволяет более дифференцированно иллюстрировать неоднозначную интерпретацию качественной редукции гласных в заударных слогах. Сочетания *-er*, *-ur*, *-or* также рекомендуется произносить в виде вокализированного варианта [æ], имеющего в зависимости от позиции достаточно широкий диапазон фокации.

Наиболее заметны изменения, происшедшие в оформлении фонетического облика иноязычной лексики. Принцип фонетического приспособления к системе немецкого языка (*gemäßigte Eindeutschung*) [5], регулирующий процесс заимствования, является в данном случае манифестацией субординативных отношений языка-донора и языка-реципиента в определенный промежуток времени [6]. В основе этого принципа лежит сближение звуков, чуждых немецкому языку, со звуками немецкой фонетической системы путем замены первых артикуляционно близкими или немецкими звуками. Проникновение иноязычной лексики в язык-реципиент связано и обусловлено стремлением языковой системы к сохранению в целях наиболее адекватного функционирования [7]. При этом имеет место пополнение звуковой

системы языка-реципиента инновациями. Иллюстрацией данному явлению может служить факт полной редукции [ə] в заударных флексиях иноязычных слов, с одной стороны, и включение, а затем освоение заимствованных из английского зубных фрикативных [θ], [ð]. Результаты фонетического включения иноязычных слов в немецкий язык определяются не только фактами экстралингвистического характера, но и действием собственных языку-реципиенту внутренних законов. Так, например, в области консонантизма действием закона замены звонких согласных в абсолютном исходе слова глухими подвержены английские заимствования: *Band* [bɛnt]. Субординативное влияние языка-донора, в данном случае близкородственного английского, преодолевшего сопротивление фонетической системы немецкого языка, проявилось за последние двадцать лет, в частности, в проникновении чуждого немецкому консонантизму круглощелевого [ʊ] вместо употреблявшегося в словаре 1964 г. [y] в таких словах, как *Winchester* ['ʉintʃɪstə], *Wilkes* [ʉilks], *Weekend* ['ʉi:k'ɛnt]. Появление в некоторых иноязычных словах типа *Happi-End* [hɛpi'ɛnt] гортанной смычки свидетельствует о возможности взаимовлияния языков на уровне делимитативной функции. Языку-донору в таком случае должна быть свойственна четкая, фонетически обозначенная, морфологическая разложимость слова. В области вокализма стремление к самосохранению выражено еще отчетливее. Так, фонемная мена имеет место при освоении английских гласных [æ] и [ə:] в таких словах, как *Cab* [kɛp], *Early Bird* ['ɛ:libɔ:t].

Анализируя процесс фонетического оформления заимствований, необходимо иметь в виду вариантность фонетической структуры иноязычной лексики на различных этапах ее включения и освоения. Явление вариантности наиболее ярко иллюстрирует, во-первых, «гибкость» фонетической системы языка в процессе освоения лексики, во-вторых, множественность нормы [8]. Еще В. Фиетор [9] заметил и отразил данное явление в своем словаре, в частности, в виде двух вариантов реализации заимствований из греческого с [y:] 1) как [i], например, в слове *Zylinder* [tsi'lindɛr]; 2) как [y], например, в слове *anonym* [ano'ny:m]. Подобных случаев «разнотения» встречается немало, и, видимо, следует считать целесообразной фиксацию в анализируемом словаре двух или более вариантов произношения. Впоследствии предпочтение отдается более освоенному (прежде всего с точки зрения соответствия правилам сочетаемости фонем внутри слова в языке-реципиенте [10]) варианту, который со временем вытесняет сосуществующую с ним реализацию. Так получилось, к примеру, со словом *Charta*. В анализируемом словаре зафиксирован единственный вариант — с инициальным заднеязычным смычным. Несколько десятилетий назад нормативным считался также вариант с аффрикатой [tʃ]. В начале 70-х годов приходилось слышать и свойствен-

ный начальному этапу включения данного слова вариант [ˈxarta].

Необходимо подчеркнуть отраженную в словаре мотивированную связь морфологической структуры слов взаимодействующих языков с модификацией их фонетического облика. Трансформация морфемного состава иноязычной лексики отчетливо заметна во французских словах типа: *Annonce* [a'ɔ̃sɛ], *Avance* [a'vɑ̃sɛ], в которых язык-реципиент по аналогии с исконно немецкими существительными женского рода, например, *Suppe* [zʏpə], *Karte* ['kartə], рекомендует реализацию непронизосимого во французском языке конечного [ə].

В процессе освоения иноязычной лексики немаловажным является факт парадигматической трансформации фонем, проявляющийся в замене их дифференциальных признаков (ДП). Речь идет прежде всего о тех фонемах или ДП, которые отсутствуют в заимствующем языке. Так, французские носовые [ɑ̃], [ɔ̃], [ɛ̃] трансформируются в сочетания Г+С (гласный + согласный): [-aŋ], [-ɔŋ], [-ɛŋ]. Это обусловлено тем, что в немецкой системе гласных отсутствует ДП «чистый — назальный». Поэтому назализованные гласные заменяются сочетаниями соответствующего неназализованного + носового согласного. Например,

	франц.	нем.
	<i>Feuilleton</i> [fœjɛ'tɔ̃:]	— [ˈœj(ə)'tɔŋ]
	<i>Ballon</i> [ba'lon]	— [ba'loŋ]
	<i>rangieren</i> [rɑ̃'zi:rɛ̃]	— [raŋ'izi:rɛ̃]

Известно, что в процессе заимствования идет освоение не только фонемой, но и ритмической структуры слов. Ударение можно считать своего рода индикатором в отборе иноязычной лексики. Исконно немецким словам, как правило, не свойственно ударение на суффиксах. Абсолютное большинство иноязычных суффиксов ударны, что обуславливает неоднородное оформление акцентного облика некоторой части иноязычной лексики. Например, *Interview* ['intɛvju:], ['intɛ'vju:].

Результаты анализа вариантности фонетической структуры заимствований, отраженной в анализируемом словаре, свидетельствуют о тенденции к уменьшению допустимых нормой вариантов. Динамические процессы в немецкой орфоэпической норме происходят за счет перераспределения отдельных разновидностей варьирования, обусловленных внешними и внутренними факторами.

Рецензируемый словарь — фундаментальный труд, внесший большой вклад в становление немецкой произносительной нормы. Он нашел и еще найдет применение среди широкого круга специалистов. Несомненна его ценность как пособия при изучении немецкого языка как иностранного. Интересно отметить, что исследователи из ФРГ высоко оценивают работу по изучению реальной нормы, проводимую их коллегами в ГДР [11].

1. Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig, 1964.
2. Siebs Th. Deutsche Hochsprache. Berlin, 1961.
3. Kreck E.-M. Sprachwissenschaftlich-phonetische Untersuchungen zum Gebrauch des Glottisschlages in der allgemeinen deutschen Hochlautung. Basel — New York, 1968.
4. Duden. Aussprachewörterbuch. Mannheim, 1962.
5. Дмитровская Е. И. Фоно-орфографическое, морфологическое и лексико-семантическое освоение англицизмов современным немецким языком: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Львов, 1969.
6. Камалов Н. К. Роль внутренних и внешних факторов в процессе заимствования словообразовательных средств: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1981.
7. Ярцева В. Н. Количественные и качественные изменения в языке. — В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
8. Вербицкая Л. А. Система и норма (Фонетические аспекты). — Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1983, вып. 206.
9. Viëtor W. Die Aussprache des Schriftdeutschen. II. Aufl., Leipzig, 1925.
10. Зиндер Л. Р. О лингвистической вероятности. — В кн.: Вопросы статистики речи. Л., 1958.
11. Schindler F. Beiträge zur deutschen Hochlautung. Hamburg, 1974.

Благова Г. Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (Юго-восточный регион). — М.: Наука, 1982. 304 с. с прил. схем.

Более 80 лет тому назад П. М. Мелиоранский отмечал, что для исторической грамматики тюркских языков наряду с изучением живых диалектов все же существенную роль будут играть письменные памятники языка. Тюркология прошла за эти годы огромной дорогой накопления новых сведений по современным языкам и диалектам, говорам, а также введения в оборот материалов из большого числа письменных памятников. Однако следует, видимо, признать, что методика использования данных письменности за этот же период претерпела мало изменений. И в последние годы все отчетливее стала осознаваться диспропорция между накоплением, можно сказать, довольно однородных фактов из разных письменных текстов и теоретическим осмыслением этих фактов в плане исторической грамматики. Поэтому проблема выработки новой методики использования материала памятников стала для современной тюркологии чрезвычайно актуальной.

Определенные успехи достигнуты благодаря применению методов системного описания фактов языка их в историческом развитии. Но успехи смежных отраслей языкознания, прежде всего — русского, германского, романского, призывали тюркологов к дальнейшему обогащению методики исследований. На тюркском материале начали успешно выполняться лингвогеографические и ареальные исследования, и советские ученые стали во главе этих перспективных направлений тюркологии. И давний вопрос о роли и возможностях вовлечения данных из письменных памятников зазвучал с новой силой. Возникла и проблема, как связать материалы из старых текстов с огромным набором сведений, собранных ранее и постоянно пополняемых диалектологией тюркских языков.

В этом плане книга Г. Ф. Благовой представляется весьма важным и почетным опытом — в значительной сте-

пени новаторским — «освоения непосредственного языкового материала» (А. К. Боровков) и решения указанных методических вопросов. В монографии предложена конкретная методика интерпретации языковых фактов, извлеченных из письменных памятников, и сопоставления их с данными современной диалектологии, что позволяет включить их в общую историю развития тюркских языков и диалектов конкретного региона. Опираясь на достижения в теории и практике отечественной лингвистической географии и исторической диалектологии (В. М. Жирмунский, М. А. Бородина), тюркской лингвогеографии и ареальной лингвистики (Н. З. Гаджиева, Б. А. Себревников), исторической диалектологии и истории тюркских литературных языков (А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, А. К. Боровков, Э. Р. Тенишев и др.), современной диалектологии тюркских языков и исторической грамматики (С. Е. Малов, Е. И. Убрятова, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак, а также Г. Дёрфер и др.), автор разработал комплексную методику лингвоисторического описания и интерпретации фактов морфологии (с учетом исторической фонетики) в историко-функциональном аспекте, что дает возможность прояснить взаимосвязь и взаимообусловленность диахронических и синхронических явлений. Представляются, что именно комплексный характер методики, учитывающей разные аспекты исследования в синхронном и диахроническом планах, прежде всего и привлекает внимание читателя в данной книге.

Предложенная автором методика иллюстрируется в работе описанием категории склонения — одной из ключевых и базовых категорий тюркской грамматики. Здесь хотелось бы отметить научную смелость автора, его уверенность в действенности своего метода, когда в качестве объекта изучения была избрана казалось бы всем известная и неоднократно описанная категория. Однако читателю